

Исторические сюжеты

«СЛАВЯНСКАЯ БОЛЬ» ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

И.М. Дзюба

Национальная академия наук Украины

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» продолжает публикацию избранных глав из книги Ивана Дзюбы «Тарас Шевченко». Этот научный труд объединяет рассказ о жизненном и творческом пути Т. Шевченко с интерпретацией его наследия, анализом конкретных произведений и характерных мотивов поэзии и прозы в синхронном и диахронном измерениях. Автор использует богатый материал культур-компаративистского и культур-герменевтического характера. Публикацию прошлых глав см. в № 1, 2014 г., с. 109–127.

Ключевые слова: политическая поэзия, политическая философия, творчество Т.Г. Шевченко.

1.

В конце 1845 и в начале 1846 годов происходят важные изменения в гражданском статусе Шевченко. 18 ноября 1845 года решением Общего собрания Академии искусств ему было присвоено звание некласного (свободного) художника, а 10 декабря выдано аттестат, который предоставлял «право [...] привилегии пользоваться с потомством его вечною и совершенною свободою и вольностию и вступить в службу, в какую сам, как свободный художник, пожелает». 17 апреля 1846 года «Указом его императорского величества» Шевченко и еще тринадцать свободных художников его выпуска исключены из «податного состояния». Незадолго перед этим, 10 декабря 1845 года, председатель Киевской археографической комиссии М. Писарев обращается к генерал-губернатору Д. Бибикову с ходатайством о назначении Шевченко сотрудником комиссии; согласие получено; «жалованье назначено» — «150 рублей серебром в год» [Тарас Шевченко... 1982: 72, 73, 75].

Поселившись весной 1846 года в Киеве (сначала на ул. Институтской — дом не сохранился, а потом на Козьем болоте, возле Крещатика, — там теперь домик-музей Т. Шевченко), он выполняет поручения комиссии и по своему усмотрению рисует окраины и исторические места Киева: «Китаевская пустынь. Троицкая церковь», «Вышгород», вид Киево-Печерской лавры; «Церковь всех святых в Киево-Печерской Лавре», «Васильковский форт в Киеве», «Костел в Киеве», «Аскольдова могила». Под некоторыми акварелями и сепиями стоит также подпись М. Сажина — русского художника, который работал вместе с Шевченко и жил с ним и А. Афанасьевым-Чужбинским в домике на Козьем болоте.

Об этом времени в воспоминаниях А. Афанасьева-Чужбинского читаем: «Когда Шевченко вернулся из Седнева, мы встретили его давнего товарища, художника Сажина, и вскоре поселились все вместе на Крещатике, по улице, что называлась Козье болото. Здесь началась

новая жизнь в чрезвычайно поэтической обстановке. Шевченко задумал срисовать все достопримечательные виды Киева, внутренний вид храмов и интересные околицы. Сажин взял на себя часть работы, и оба художника пропадали с утра, если только не мешала погода. Я шел то к знакомым профессорам, то разыскивал старинные книги, то ходил на Днепр к рыбакам и ездил на челне, то искал интересных встреч с богомольцами, которых десятки тысяч стекается к Киеву летней порой. Не было ничего более приятного от наших вечеров, когда, вернувшись усталыми домой, мы открывали окна, садились к чаю и рассказывали о приключениях за день. Когда Шевченко срисовывал интерьер коридоров, которые вели в ближние пещеры, я сопровождал его с целью изучать интересные группы нищих [...]. Он делал много зарисовок людей, но я не знаю, куда девались эти наброски.

Однако временами на Шевченко нападала лень, и он так бывал рад дождливым дням, что не поднимался с кровати и читал либо новые журналы, либо необходимые ему исторические произведения, доставать которые было моей обязанностью» [Спогади про Тараса Шевченка... 1982: 100–101].

В это время расширяется круг знакомств Шевченко, он знакомится с рядом преподавателей и студентов университета св. Владимира, с будущими членами Кирилло-Мефодиевского товарищества. Особое значение имело знакомство и сближение с Н. Костомаровым, который переехал в Киев из Харькова, в поисках больших возможностей для деятельности не только научной, но и, наверно, политической: как пылкий неофит украинства, он уже вынашивал планы конспиративной работы. Хотя Костомаров был хорошо ознакомлен с украинской историей и критически остро воспринимал порабощение Украины, да и всю крепостнически-деспотическую российскую действительность, однако поэзия Шевченко потрясла его своей смелостью, глубиной и поэтической силой. Позднее он так об этом вспоминал: «С Тарасом Григорьевичем я познакомился в Киеве в 1845 году (в другом случае он называет 1846 год — *Авт.*). На первый взгляд в нем не было видно ничего привлекательного, ничего теплого; наоборот, он был холодный, сдержанный, хотя простой и нецеремонный. Он взвешивал мои слова и движения с недоверием; он вел себя, как часто вел себя очень честный и добрый малоросс, встречая незнакомого человека, и чем этот человек настойчивее стремится вызвать его на откровенность и искренность, тем осторожней он становится. По-другому и не может быть у народа, который очень часто видит обман и криводушие. Эта черта изменилась в Шевченко в последние годы, когда мы с ним увиделись после долгой разлуки (после возвращения Шевченко из ссылки — *Авт.*), она даже перешла у него в другую крайность — излишнюю доверчивость. Но в те времена, в пору его молодости он сохранял эту черту своего народа. Быстро, однако, мы сошлись и подружились. Тарас Григорьевич прочитал мне свои ненапечатанные стихи. Меня охватил страх: впечатление, которое они производили, напомнило мне Шиллеровскую балладу «Занавешенный санский идол». Я увидел, что муза Шевченко раздирала занавес народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и захватывающе было заглянуть туда!!! Поэзия всегда идет вперед, всегда решается на смелое дело; за ней идут история, наука и практический труд. Легче бывает последним, но тяжело первой. Сильное зрение, крепкие нервы надо иметь, чтобы не ослепнуть или не потерять сознание от внезапного света истины, сердобольно припрятанной от спокойной толпы, которая идет проторенной дорогой мимо потаенной завесы и не знает, что таится за этой завесой! Тарасова муза прорвала какой-то подземный склеп, уже несколько веков замкнутый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землей, специально запаханной и засеянной, чтобы спрятать от потомков даже воспоминание о месте, где находится подземная пустота. Тарасова муза смело вошла в эту пустоту со своим негасимым светочем и открыла собой путь и солнечным лучам, и свежему воздуху, и человеческой любознательности. Легко будет войти в это подземелье, когда туда проникнет воздух, но какая человеческая сила может усто-

ять против вековых испарений, которые убивают в один момент все силы жизни, тушат великий земной огонь! Горе смельчаку поэту! Он забывает, что он человек, и если первый отважится ступить туда, то может погибнуть... Но поэзия не испугается никаких губительных испарений, если только она настоящая поэзия; и не погасит ее светоча никакая историческая или моральная углекислота, ибо этот светоч горит негасимым огнем — огнем Прометея...» [Спогади про Тараса Шевченка... 1982: 134–135].

Не меньшее впечатление оказали произведения Шевченко и на других будущих кирилло-мефодиевцев — все они были достаточно ознакомлены с его ненапечатанной поэзией, а то знали и про его задумки — Шевченко, кажется, не был таким недоверчивым и осмотрительным, как это показалось было Костомарову. Вот письмо В. Белозерского к Н. Гулаку от 1 мая 1846 года: «... Вчера был у меня Иван Як[овлевич] П[осяденко] и сказал, что Ш[евченко] написал новую поэму «Иоанн Гусс». Я поневоле задумался над тем, какого гениального человека мы имеем в Тарасе Г[ригорьевиче], ибо только гений посредством одного глубокого чувства способен угадывать потребности народа и даже целого века, к чему не приведут никакая наука, ни знания, без огня поэтического и вместе религиозного. Как бы я желал, чтобы перевод псалмов заключал в себе и свидетельство истинно благого настроения души нашего Кобзаря! Тогда бы новый неиссякаемый ключ жизни осветил нашу словесность и утвердил бы ее на верных основаниях» [Кирило-Мефодіївське товариство... 1990: 105].

Антикрепостнические, антимонархические и национально-патриотические настроения молодых украинских интеллигентов из числа преподавателей и студентов Киевского и Харьковского университетов вылились в создание в конце 1845 и в начале 1846 годов тайного товарищества, которое получило название Кирилло-Мефодиевское товарищество, или братство (первичное название: «Славянское товарищество св. Кирилла и Мефодия»). Основателями его были Н. Костомаров, Н. Гулак и В. Белозерский. Членами товарищества стали А. Маркевич, А. Навроцкий, И. Посяда, Д. Пыльчиков, А. Тулуб. Шевченко поддерживал дружеские отношения с братчиками и принимал участие в их собраниях; что касается его формального участия в товариществе, существовали различные версии; считалось, что он вступил в него в апреле 1846 года, хотя следствие его членства не доказало. Но фактически Шевченко был не только своим среди братчиков, но и решительным образом влиял на них в революционном духе.

Программные и уставные документы Братства отображали идеи и настроения этого круга и с этой точки зрения были плодом коллективной мысли, хотя имели и своего автора. Им был Н. Костомаров. Версии об авторстве Шевченко давно отброшены, хотя не исключается его большое идейное влияние на характер этих документов. Основной из них — «Книги бытия украинского народа» авторства Костомарова. Собственно, название это — более позднего происхождения, братчики же называли этот текст «Законом Божиим». Ибо все беды человечества объяснялись в нем отходом от Божьего закона, а возвращение виделось в возвращении к нему. Божий закон предусматривает равенство людей, которым не нужны ни цари, ни паны, у них один царь и пан для всех — Господь Бог. А как завелись паны и цари — ухудшились люди перед Богом и начались их бедствия. Особенно же ухудшились славяне, поскольку у них не было панов, и могли они стать образцом для других народов, но «приняли Славяне от Немцев королей, и князей, и бояр, и панов». И покарал Господь славян горше за все народы, отдав их на поругание соседям. Только Польша и Московщина сохранили было себя, но «одурел народ польский, ибо простой люд попал в неволю, самую горькую, которая когда-либо была на свете, и паны без какого-либо закона убивали и вешали своих невольников»; «И одурел народ московский и упал в идолопоклонство, ибо царя своего нарек богом и все, что царь скажет, то считал за добро, так что царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч народу, а летописцы, рассказывая это, звали его христоролюбивым».

В то же время Украина «не любила ни царя, ни пана, а скомпоновала себе казачество, есть то истинное братство [...] И постановили они чистоту христианскую держать [...] И постановило казачество веру святую оборонять и освобождать ближних своих из неволи». Но панство увидело, что казачество возрастает, скоро все люди станут казаками, и запретило крестьянам ходить в казаки, «и казачество стали мучить и губить, потому что такое равное братство христианское стало панам преградой». Очень выразительно описаны в «Книгах бытия...» издевательства панов над казаками и всем украинским людом, — «но казачество поднялось, а за ним весь простой народ». Хотела Украина и далее жить с Польшей «по-братски неразделимо и не слитно», но увидела, что паны того не допустят, и присоединилась к Московщине, чтобы жить «неразделимо и не слитно, на образ ипостаси Божьей, неразделимой и не слитной». Но скоро увидела Украина, что попала в неволю, ибо «по простоте своей не ведала, что такое было царь московский, а царь московский все равно было, что идол и мучитель».

Рассказав о бедах Украины под московским ярмом, автор «Книг бытия...» говорит, что и Россия «терпит неволю», как и вся Славянщина; так же как и вся Славянщина, Россия терпит от татарского и немецкого духа. Но «истый Славянин не любит ни царя, ни пана, а любит и помнит одного Бога Иисуса Христа, царя над небом и землей». Поэтому «встанет Славянщина. И разбудит ее Украина». Это только кажется, что она пропала, что лежит в могиле. Она не пропала, она не умерла, твердится в «Книгах бытия...» в высокой риторической манере. Она в наибольшей мере сохранила дух славянства: «...Ибо она знать не хотела ни царя, ни пана, но хотя и был царь, но чужой, и хотя были паны, но чужие, и хотя украинской крови были те уроды, однако не пакостили своими губами мерзкими украинского языка и сами себя не называли украинцами, а истинный Украинец, будь он простого, либо панского рода теперь, должен не любить ни царя, ни пана, а должен любить и помнить одного Бога Иисуса Христа, царя и пана над небом и землей».

И хотя господствует «деспот палач» над славянами, хотя «портит, калечит, губит добрую натуру славянскую», но голос Украины не затих. «И встанет Украина со своей могилы и снова кинет клич ко всем братьям своим Славянам, и услышат крик ее, и встанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крепостного, ни холопа — ни в Московщине, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни в Хорватов, ни у Сербов, ни у Болгар». Возникнет вольный союз славянский, и в нем Украина будет «независимой Речью Посполитой» (республикой). «Тогда скажут все языки, указывая рукой на то место, где на карте будет нарисована Украина: «От камень, него же не берегоша зиждущиї, той бисть во главу угла!» [Костомаров 1947: 3–24].

Как видим, «Книги бытия...» — это не теоретический трактат, а пламенный историко-политический манифест, в котором в понятиях привычного народу религиозного мышления изложена фактически революционная концепция освобождения от крепостничества и деспотии, а также создания федерации славянских республик — «не слитных и неразделимых», то есть без разъединения, но и без слияния, похожей «на образ ипостаси Божьей». Однако не следует думать, что религиозная понятийность была для братчиков каким-то стилистическим приемом с оглядкой на цензуру или на восприятие народом; напротив, они были людьми глубоко религиозными (вплоть до экзальтации, как В. Белозерский), социальные и моральные бедствия своего времени, как и всей истории человечества, рассматривали как результат искажения или пренебрежения заповедей Иисуса Христа — сжатый обзор этих искажений в жизни славянских народов и представляется в «Книгах бытия...». Братчики хотели стать под хоругвь истинного, первоначального христианства, где попыток обновления было немало в истории европейских народов, однако, возможно, впервые так было сопряжено в

одно целое социальные и национальные боли, а также моральный протест. И хотя литературно-стилевым образцом для Костомарова были, как считают, «Книги народа польского и польского пилигримства» Мицкевича, по своему содержанию «Книги бытия...» — целиком оригинальные, отличаясь, в частности, своим антикрепостническим пафосом и, вопреки украиноцентризму, солидарным чувством ко всем славянским народам, в том числе полякам и русским. Можно даже сказать, что в чем-то «Книги бытия...» были объективно полемическими по отношению к «Книгам народу польского...», с их пафосом польской избранности и мессианизма (достаточно вспомнить притчу о пожаре, которая уничтожила город, потому что одни его обитатели не хотели распрощаться со сном, другие стояли в дверях, думая, что до них не дойдет, а третьих, «честных», оказалось слишком мало. Тот город — Европа, огонь — враг ее, деспотизм. А те, кто спал, — Немцы, кто стоял у дверей — Французы и Англичане, «а люди совести — это Поляки» [Мицкевич 1956: 272–273]. Можно допустить, что «Книги народу польского...» могли вызвать у Костомарова еще и желание напомнить полякам об остальном славянском мире.

Идеи кирилло-мефодиевцев принципиально отличались от идей русских славянофилов, кроме некоторых моментов похожести. Рядом с мыслями, близкими к типичным славянофильским клише (идеализация «славянского племени», его прошлого; опора на христианство, но, в отличие от славянофилов, без возвышения православия над католицизмом и протестантизмом и с возвращением ему первоначального человечески-справедливого содержания, искаженного панством и высшим духовенством, — это то, чего не было у славянофилов), здесь были и идеи, вовсе неслыханные для «классического» славянофильства, идеи демократические и объективно революционные на то время — близкие Шевченко или собственно «шевченковские». Это — идеи социального равенства и политической свободы, острое осуждение самодержавия и панства, эксплуатации, закрепощения Украины, слова гнева в адрес Петра I и Екатерины II за порабощение Украины, да и вообще в адрес царизма; одобрительное воспоминание о декабристах; идея федеративной республики. Восславление казацкой традиции тоже имело объективно демократическое и прогрессивное содержание (с учетом некоторой идеализации и игнорирования социальных противоречий), поскольку имело определенную антикрепостническую направленность (в частности, упорная борьба царизма против казачества и ликвидация Запорожской Сечи резонно объяснялись страхом перед духом воли народной и тем, что Сечь и казачество оказались последним оплотом сил, которые протестовали закрепощению). В «Книгах бытия украинского народа» с большой силой и пафосом звучит идея национальной и политической суверенности Украины и в то же время идея равноправия всех славян.

Бенуа Мальон (1841–1893), автор пятитомной «Истории социализма» (1884–1893), которая в свое время была очень популярной в Европе, говоря об кирилло-мефодиевцах, писал: «Шевченко и Костомаров не допускали в своей программе религиозной нетерпимости и гегемонии одного народа над другим, в то время как оба эти элемента были в мыслях всех московских панславистов. Украинская идея хорошо проявилась в Шевченко, в его „Івані Гусі“:

«Щоб усі слов'яни стали
Добрими братами...».

Сравните эту идею с апофеозом московского орла у Хомякова, который должен диктовать законы всему миру, и вы тогда поймете всецелое отличие мыслей Киева и Москвы...» [Борщак 1933: 23].

Эта программа была одной из наиболее радикальных в тогдашней Европе и не имела себе равных в славянском мире. Справедливо писал А. Белецкий: «...В свое время это было

выражение наиболее передовых идей, хотя подчас затемненных здесь религиозной фразеологией [...] Программу кирилло-мефодиевцев в том виде, в котором она нам известна, нельзя сравнить с программой Пражского съезда 1848 г. (речь идет о съезде представителей славянских народов, так называемом славянском съезде в июне 1848 г. — *И. Дзюба*). Та программа не простиралась дальше требований равноправия для славян и определенной автономии — „Книги бытия...“ категорически высказывались против существующего державного порядка, провозглашали идеал славянства, где не будет ни царя, ни пана, ни крепостного, ни холопа» [Білецький 1965: 262].

Тем более принципиальное отличие славянской идеи кирилло-мефодиевских братчиков от московского славянофильства было хорошо понятным и современникам. В герценовском «Колоколе» писалось: «...Идея панславизма принялась в Украине совсем не так, как в Московии, где она проявилась или в стремлении уразуметь смысл тропарей и букварей, или в риторических похвалах старомосковской Руси, под которые подкладывалась всероссийскому престолу надежда простереть когда-нибудь царственную десницу на славянские народы и уготовать им вожделенную судьбу Украины и Польши. В Украине эта идея тотчас облеклась в светлую форму федеративного союза славян, где бы каждая народность сохраняла свои особенности, при всеобщей личной и общественной свободе. Вместе с тем возникло убеждение, что только этим путем Украина может подняться из упадка и сохранит свой собственный, столь несправедливо и безжалостно попорченный образ...» [Колокол... 1861].

Эта характеристика определенно относится к программе кирилло-мефодиевцев. Но еще в большей мере ее можно отнести к поэзии Шевченко, хотя последней она, понятное дело, и не исчерпывает. В то же время не следует забывать, что и в Украине часть либеральствующего панства тянулась к славянофильству хомяковско-самаринского покроя — П. Лукашевич, Г. Галаган и другие, с которыми Шевченко решительно разошелся и которых позже клеймил за лживость их «народолюбия». Близких к славянофильству взглядов придерживались в отдельных вопросах О. Бодянский, М. Максимович; Н. Костомаров, славянский идеал которого после разгрома кирилло-мефодиевцев эволюционировал в сторону признания патроната российской монархии славянской федерацией, — в то же время много в чем противостоял славянофилам, в частности разоблачал антинаучность некоторых поддерживаемых ими исторических мифов, чем вызвал большое недовольство главного идеолога русского славянофильства А. Хомякова, который упрекал его в странном, дескать, пристрастии к развенчанию народных героев (имелась в виду монография Костомарова «Иван Сусанин», в которой он доказывал, что подвиг Ивана Сусанина — позднейший вымысел официозного патриотизма).

Возможно, «Книги бытия...» знаменовали собой определенный компромисс между братчиками. Ведь среди них были более радикальные (как Николай Гулак, Николай Савич, Дмитрий Пыльчиков, Георгий Андрузский, Александр Навроцкий, Иван Посяда — все они ориентировались на Шевченко) и сравнительно умеренные (Василий Белозерский, Афанасий Маркович, Пантелеймон Кулиш, Николай Костомаров, с которым Шевченко приходилось спорить, в частности, по поводу его недоверия к полякам).

Кроме «Книг бытия...», важными документами Братства были также «Воззвание к украинцам», в котором вкратце изложены предлагаемые формы всеславянской федерации и «представлены к вниманию» украинцам для обсуждения; воззвания к полякам и великороссам с призывом к взаимопониманию и общим действиям: «Сие глаголет ко вам Украина, нищая сестра ваша, которую вы рассеяли и растерзали и которая не помнит зла и соболезнует о ваших бедствиях и готова проливать кровь детей своих за вашу свободу. Прочитайте это братское послание, обсудите важное дело вашего общего спасения, восстаньте от сна и дремоты, истребите в сердцах ваших безрассудную ненависть друг к другу...»; «Устав славян-

ского общества», в котором делается акцент на том, что в будущей федерации «каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность», «каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать равенство сограждан по их рождению, христианским верованиям и состоянию», а общие дела должен бы «решать всеславянский собор из представителей всех племен» [Костомаров 1947: 27–30].

Наконец, в «Главных правилах общества» очерчена практическая сторона дела: своей цели товарищество будет стремиться достигнуть путем «распространения вышеизложенных идей, преимущественно посредством воспитания юношества, литературы и умножения числа членов общества»; все свои действия члены общества должны «соображать с евангельскими правилами любви, кротости и терпения; правило же: цель освящает средство — общество признает безбожным». Члены товарищества давали присягу, в которой брали на себя обязательство в случае преследований «не выдавать никого из членов, своих братьев» [Костомаров 1947: 31–32].

Александр Грушевский в публикации «Из настроений и мыслей Кирилло-Мефодиевского братства» обратил внимание на то, что переписка братчиков дает основание говорить об особом значении, которое они придавали «вопросам этическим» — «рядом с вопросами социальной реформы и национально-культурного развития», а в их этике главным было учреждение «всяческой общественной работы) на «искренней любви к родной Украине». И эта любовь «связана была со знанием» — с изучением Украины и ее прошлого, чтобы «вести к лучшему будущему» [Грушевський 1914: 71–72].

В то же время, Михаил Грушевский подчеркивает «глубокую разницу между Шевченко и младшими кирилло-мефодиевцами», которые «грезили реформировать общество и врачевать социальные раны проповедованием евангельской морали, распространением образования и культуры, повышением культурного уровня панской интеллигенции и крепостнической массы, совершенствованием украинского языка, популярной литературой и пр.». Шевченко же, указывает М. Грушевский, «хотя и положил свою жертву и сим планам», все-таки «был далек от сих оптимистично-идеалистических настроений, глубоко убежденный, что только революционные «ножи обоюдоострые» способны «разорвать поганое гнилое сердце» (покрытое болячками), выцедить сукровичную, налить живой казацкой крови, «чистой, святой» [Грушевський 1925: 113].

Существует очевидное несоответствие между масштабностью славянского проекта, как он представлен в «Книгах бытия...» и политических воззваниях к украинцам, полякам, великороссам, и ограниченностью практических действий, на которых имели намерение сосредоточиться братчики. Это и понятно с точки зрения малочисленности и слабости товарищества, которое делало только первые шаги (да и организаторы, тем более конспираторы из этих молодых интеллигентов, как не преминул показать час, были неважные). Так что их деятельность могла иметь, прежде всего, пропагандистское и воспитательное значение, что они и осознавали. И хотя они устанавливали связи с другими славянскими деятелями (прежде всего поляками), однако свои программные документы так и не успели донести до славянской общности. Захваченные жандармами, эти документы так и пролежали в архивах Третьего отделения вплоть до февральской революции 1917 года. Впервые «Книги бытия...» опубликовал П. Зайцев в журнале «Наше минуле» [1918, кн. 1].

Нет сомнения, что если бы эти яркие произведения украинской общественно-политической мысли получили бы в свое время распространение в Украине и других славянских странах, они могли бы существенно повлиять на демократические настроения в обществе и на республиканскую модификацию славянской идеи.

Что же касается концепции всеславянской федерации у кирилло-мефодиевцев, то, по

моему мнению, она была важной для них не сама по себе, а как вероятный исторический путь выпутывания из смертельных объятий Москвы...

Любопытно, что Джузеппе Мадзини, видный деятель итальянского национально-освободительного движения, который симпатизировал славянскому возрождению, усматривал его историческую роль в том, что оно приведет к разрушению двух империй — Австро-Венгерской и Турецкой — и ограничению экспансии третьей — Российской: «вокруг российского самодержавия возникнет барьер молодых народов, объединенных федеративно для защиты собственной независимости. Россия будет введена в ее природные границы» [Джузеппе Мадзини... 1913: 12]. И это предвидение сбылось, хотя и не сразу.

2.

В XIX в. много исследователей говорило о славянофильстве Шевченко, однако те, кто постиг глубинный дух его поэзии и сущность мировоззрения, решительно отличали его «славянофильство» от славянофильства Хомякова и К°. В частности, И. Франко писал, что и через столетия «сознательные украинцы не перестают быть славянофилами в духе Коллара и Шевченко» [Франко 1982а: 50]. То есть, одним и тем же термином — «славянофильство» — в разных случаях называют разные вещи. В последнем случае — идею равноправного общежития всех славянских народов в свободном союзе.

Представление о Шевченковом славянофильстве в большей мере выплывало из недостаточного размежевания таких более или менее взаимосвязанных явлений, как славянское возрождение — панславизм, славянофильство, русофильство, украинофильство и т. д., — вообще от недостаточной дифференцированности разных течений, оттенков мысли, соучастных сил, которые творили славянское возрождение, были к нему причастны, а то и пропагандировали какие-то альтернативные пути.

Украинский романтизм, от которого был неотделим ранний Шевченко, был специфической составной славянского возрождения (которое происходило в контексте европейских национальных движений — так называемой «поры наций» — после Великой французской революции и наполеоновских войн). Современные чешские и словацкие исследователи выразительно подчёркивают связь между ними, а некоторые считают «Энеиду» Котляревского одним из самых ранних явлений всего славянского возрождения вообще.

Чешский ученый Й. Добровский писал об «Энеиде» еще при жизни Котляревского, и с тех времен начинаются чешско-украинские литературные связи. В редких украинских журналах и литературных альманахах печатаются переводы славянских поэтов, исторические материалы и информация о литературной жизни; эмансипация славянских языков становится подающим надежды примером и одним из главных аргументов в борьбе за новый литературный язык на народной основе. В свою очередь, немало сторонников среди чехов, словаков, поляков, сербов интересуются украинским языком, поддерживают его литературное возрождение (как и много передовых русских). «Я признаю украинцев за самостоятельный народ, знаю Галицию лично и знаю ж ровно их литературный язык... Уважайте национальные стремления этого преследованного, но к самостоятельности призванного народа», — провозглашал в одной из речей Франтишек Ригер. А Карел Гавличек-Боровский писал: «Малорусь-Украина — это постоянное проклятие, которое сами над собой провозгласили ее угнетатели. Так над ними мстит угнетенная воля Украины... До тех пор, пока не будет исправлена несправедливость, содеянная украинцам, до тех пор невозможен действительно международный покой и славянское взаимопонимание» [Січинський 1938: 78].

Особенно много значила здесь деятельность П. Шафарика, который глубоко симпатизировал Украине и своими взглядами влиял на отношение к ней во всем славянском и не только

славянском мире. В целом он чуть ли не больше всех сделал для того, чтобы славяне глубоко осознали множественность своей семьи и узнали самих себя. Не случайной же является та сердечная благодарность, которую высказал ему Шевченко. По мнению И. Франко, был Шевченко ознакомлен и с известной в свое время работой Я. Коллара «О литературной взаимности между разными племенами и говорами славянской нации» (1836) — ее перевод на русском языке был напечатан в 1838 году в «Московских ведомостях», а в 1840 — в «Отечественных записках» (в переводе И. Срезневского). «С этого второго перевода, — говорит И. Франко, — знал, наверное, это рассуждение и Шевченко, у которого именно в 1840 видим первые проблески мыслей о славянщине (в «Гайдамаках», в предисловии к ним и в отрывке рус[ской] драмы «Никита Гайдай», писанной также около того времени) [Франко 1982а: 60]. Коллар едва ли не наиболее выразительно подчеркнул и развил идею славянской взаимности: «Впервые снова, после многих столетий, рассеянные славянские племена считают себя одним великим народом, а свои различные говоры — одним языком, пробуждаются к национальному чувству и стремятся к более тесному единению между собой» [Мольнар 1965: 26].

В цитированной уже работе «Славянская взаимность в понимании Яна Коллара и теперь» И. Франко по поводу приведенных слов замечает, что это было всего лишь доброе пожелание. Он говорит о преобладании у Коллара в целом мечтательности над научностью, о безосновательной идеализации славянского прошлого и утопизме (славянское «царство Божие»); иронизирует с Колларовых рассуждений «о усталости Запада и свежести сил славянских, о испорченности, воинственности и грабительстве романцев и германцев, а идеальный, смиренный и чуткий нрав славян» [Франко 1982а: 52] (все это достаточно близко к тому, что «срисовали», употребляя Франково слово, и русские славянофилы). Однако, в то же время подчеркивает, что Коллар не доходил до теорий «гнилого Запада», чтил европейскую культуру и вообще не принадлежал к панславистам «москвофильского» сорта, тех, кто ориентировался на опеку российского царизма; ориентировался «на демократизм» и, хотя православная церковь казалась ему высшей по отношению к латинской и протестантской, «никогда не проявил и тени какой-либо религиозной или вероисповедной нетолерантности» [Франко 1982а: 61–62].

Шевченко в 40-е годы разделял общее восхищение славянолюбцев Колларом и Шафариком, чтил их позже, но его мировоззрение развивалось в сторону связи национального освобождения с социальным; и свои надежды он все больше связывал не столько со славянством самим по себе, сколько с собственным народом и передовыми силами России.

Во всем этом — коренная особенность его позиции в славянском и украинском деле, что отличало его и от западных славянских будителей и возрожденцев, и от русских славянофилов, и от украинофилов и даже от кирилло-мефодиевских братчиков, во всяком случае от их умеренного большинства. Хотя, конечно, с кирилло-мефодиевцами его много что объединяло, однако он был более последовательным и шел дальше их. А тема славянства появилась в его творчестве еще до знакомства с будущими организаторами товарищества.

Много высказывается предположений о том, под чьим влиянием зародились думы Шевченко о славянстве: кирилло-мефодиевцев, декабристов, Мицкевича, Ганки, Коллара, Шафарика, русских славянофилов, в частности Хомякова и т. д. Некоторые из них можно считать опровергнутыми¹. Некоторые следовало бы ограничить, однако полностью отбрасывать нельзя; некоторые же безусловны (как упомянутые уже взгляды Франко, да и не только его, — о влиянии на Шевченко Коллара и Шафарика, засвидетельствованы, относительно последнего, и самим Шевченко; как и наблюдения многих исследователей относительно значения для на-

¹ Ф. Прийма и другие авторы доказали, что славянская тема у Шевченко появилась до того, как были опубликованы соответствующие произведения Хомякова; А. Белецкий вообще говорил о несопоставимости одного и другого.

шего поэта декабристских идей). Однако в целом дело, наверное, проще. Разве у великого поэта идеи рождаются только из прочитанного или услышанного, под влиянием чужих мыслей? Они рождаются из жизни, из боли, из доли народной, что молвит его гением. Из духовного потенциала этого гения, элементом которого (потенциала) — но не решающим, только вспомогательным! — могут быть и те «влияния». А потом и из всей интеллектуальной атмосферы, в которой он живет, — и здесь снова неминуемы «влияния», но снова-таки, они не источник великого поэта, они разве что создают рельеф русла, по которому текут эти мысли. Или иначе: рождает сам гений, а литературное влияние может сыграть при этом роль «повитухи».

Во всяком случае, когда речь идет о подобных или сродных поэтических идеях, стоит не только доискиваться, кто на кого влиял, а брать их как суверенных по содержанию и, сравнивая эти суверенные содержания, пытаться выяснить объективные жизненные и субъективные идеологически-духовные причины сходства и отличия. При этом очень часто оказывается, что подобное или близкое внешне (тематически, фразеологично, по используемым понятиям) оказывается отдаленным, а то и противоположным внутренне, по своему истинному содержанию.

Именно так обстоит дело с некоторыми мотивами, которые внешне сближают Шевченко (преимущественно раннего) со славянофилами. Это — поэтизация прошлого, выискивание в прошлом урока и укора современности, непереходных ценностей; национальная боль, протест против национального унижения, пестование национальной гордости; отвержение чужой мудрости, укор «куцого немца» и т. д.; объяснение причин славянского раздора; призыв к объединению славян и другие. Действительно, все эти мотивы в значительной степени присущи и славянофилам. Но присмотримся к их содержанию и характеру там и там, сравним...

Славянофилы идеализировали допетровскую Московскую Русь. Путь, на который вывел Петр I своими реформами, они считали ошибочным, связанным с потерей национальной самобытности. Какие извечные ценности находили славянофилы в старине? Прежде всего «свет веры» — чистоту православия (что-то подобное было и у части кирилло-мефодиевцев); христианскую покорность и смиренность народа, отсутствие борьбы и вражды («Кровь и вражда не служили основанием Государству Русскому» [Хомяков 1861: 376]), гармонию общества, единство народа и царя. Это иллюзорное представление о прошлом и ставилось как идеал на будущее. Нужно возродить древнюю Московскую Русь, немного ее починив, исправив, приспособив к современным условиям: больше образования, продуманной государственной организации, меньше партикуляризма, местничества. И, понятное дело, одухотворить общество славянофильским идеалом. «Тогда в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет державная Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, но полная жизненных сил жизненных и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью» [Хомяков 1861: 377].

Что же мы видим у Шевченко? В ранний период творчества ему тоже была свойственна идеализация прошлого былого своего народа, собственно периода казачины. Однако что в ней ценил поэт, что идеализировал? Прежде всего, волю, борьбу за волю, отвагу и самопожертвование, величие нравов и судеб, которые рождались в обороне родной земли, непокоренность и непримиримость — все то, чего, по его мнению, не хватало современникам. Это тоже был урок прошлого современности, но из этого урока извлекались совсем иные ценности... Дальше. У Шевченко намного более трезвый и, можно сказать, более глубокий подход к истории, более горькое и мужественное ее понимание. Он не утешает себя иллюзиями, он понимает, что все проходит не для того, чтобы вернуться. И народ никогда не вернет себе по-

терянного в том же самом виде. Ощущение невозвратности движения с самого начала было присуще поэтической философии Шевченко. «Було колись — минулося, // Не вернеться знову».

Шевченко жаждет новую Украину, а в прошлом ищет традиций воли и героизма, чтобы найти надежду, пример, силу для борьбы за эту новую Украину, в конце концов — историческое право на нее.

В конце концов, следует напомнить, что Шевченко достаточно быстро преодолел идеализацию прошлого, казачества, выработал более объективный и критический взгляд (который, понятное дело, не отбрасывал героических страниц украинской истории).

Характерно, что Шевченко в послании «І мертвим, і живим...» свое острое разоблачение фальшивой идеализации истории Украины, особенно гетманства, рассматривает в контексте общей саркастической характеристики славянофильской моды. Очень точно и справедливо определяет он ее панскую природу и книжное, теоретическое происхождение — в отличие от народного ощущения Украины. Не припрятывает иронию и относительно увлеченности панов-украинофилов (или же украинских славянофилов) проблемами, говоря современному, зарубежных славян. И действительно: так охоть хлопотами далеких братьев..., вроде бы у себя нет забот; так им сочувствуют, что и своего реального положения не видят. Вот послушаем одного из украинских славянофилов — поэта-романтика (из так называемых консервативных романтиков) Александра Корсуна, издателя альманаха «Сніп»: «...Прежде нашего бедствования под ляхом у нас были свои князья — цари стало быть: те цари были также крещеными, как и мы; и тогда братья наши, червонорусцы, сербины, чехи да и еще некоторые звались — как и мы — словенами и жили совокупно. А далее, как народ наш поддался под ляха, то и они покорились немцу, и с того-то времени все словены расползлись, будто сверчки от угару; ибо и сами москали встретили татар между пальцев... Только же москали и мы и вымолвили у Господа счастья и теперь благоденствуем за царем правоверным, а те горемыки, что в немца... Другие бедствуют у католиков, другие и сами обернулись у католичество, а некоторые так и сделались истыми немцами...»

Вот так то все было и есть; а еще вот что: у сербинов, у чехов и червонорусцев все люди простые говорят по-старому, по-словенски; ведь и мы из словен, так и язык их очень похож на наш; и песни, и сказки тоже похожи на украинские... А паны в них не говорят уже по-простому, по-своему, — а все по-немецки: вот-же, Господи мой, дураки! [...] «Мы то не мы, как бы это, немцы!» — Ведомо дело, немцы, ведь дураки такие же, как они, что чураются родного языка...» [Корсун 1841: 212–213].

Вот уж, как говорят: чужое видит под лесом, а своего под носом не замечает. Или же это такое «инакоязычие»?

У Шевченко болело свое. В предисловии к ненапечатанному седневского «Кобзаря», он писал в марте 1847 году: «Великая тоска одолела мою душу. Слышу, а иногда читаю: ляхи печатают, чехи, сербы, болгары, черногорцы, москали — все печатают, а у нас ни единого звука, будто всем отняло язык...». И далее — в адрес московских «журналистов»: «Кричат о единой славянской литературе, а не хотят и заглянуть, что делается у славян!» [VI, 312].

Однако была и другая разновидность украинского, собственно уже малороссийского славянофильства. Ученое и либеральное панство щедро дарило свою панскую любовь далеким братьям, а собственного народа вообще не хотело знать, обходилось риторикой высокого стиля.

Особенно возмущало Шевченко то, что эти патриоты славянства умудрялись соединить свой благородный патриотизм и «широкую просвещенность» с пренебрежением родным, украинским, языком:

І Коллара читаєте
 З усієї сили,
 І Шафарика, і Ганка,
 І в славянофіли
 Так і претесь... І всі мови
 Слав'янського люду —
 Всі знаєте. А свої
 Дас[т]ьбі ... Колись будем
 І по-своєму глаголять...

Шевченко рано и прозорливо заметил в славянофильстве эдакую тенденцию изымать украинский народ из славянской семьи, то есть не признавать за украинским народом права быть отдельной и равноправной с другими национальной единицей, растворять его в «общерусскости», узурпируя на пользу последней его историю, культуру, землю:

... Кажуть, бачиш, що все то те
 Таки й було наше,
 Що вони тільки наймали
 Татарам на пашу —
 Та полякам...

Это — саркастический перифраз версии официозной и вообще государственническо-патриотической историографии, для которой Украина была всего лишь «окраиной» царской России, временно уступленной татарам и полякам. Многовековая самобытная историческая и культурная жизнь Украины, ее борьба за свободу игнорировались. При этом прибега-ли, в частности, к хитрому манипулированию этнонимами «Украина» и «Малороссия». Как известно, наши предки называли себя русами, русинами (в Галиции и Закарпатье это последнее самоназвание сохранилось до XX в.). Название «Украина» зафиксировано в летописях с XII в. (его происхождение нельзя считать окончательно истолкованным). Постепенно, по мере того, как название «Русь» впоследствии все больше закреплялось за Московской Русью, наш народ стал употреблять слово «Украина» (иностранцы еще называли ее «Черкесией», на европейских картах она обозначалась латинским как «Козакориум» — страна казаков и т. д. Хотя именно как об «Украине» речь идет о ней в «Реляции» посла Венецианской республики Альберта Вимины 1650 года, в парижской географии Бусенгольца 1666 года, в воспоминаниях немецких дипломатов и путешественников Вебера 1720 года, Х.Г. Манштайна 1728 года, в «Истории Карла XII» Вольтера, изданной 1731 года, и т. д. вплоть до «Дневника моих путешествий» Й.-Г. Гердера, писанного в 1769 году, где великий гуманист и философ пророчил: «Украина когда-нибудь станет новой Грецией. Когда то проснется ее веселый, музыкальный народ и оживет его плодородная земля под чудесным южным небом»; эти слова вынес на обложку своей книжки об Украине современный немецкий писатель Гюнтер Штайн [Штайн 1987]).

Здесь следует напомнить, что изменение этнонимов, изменение названий и самоназваний народов или наличие нескольких названий, как и несоответствие между самоназванием и тем названием, которое дают чужестранцы, — это обычное явление в истории. Название российской державы — «Россия» — появилось лишь в конце XV — начале XVI в. (однако ещё до XVIII в. параллельно с ней употреблялись: «Русь», «Русская земля», «Московское государство», «Русское государство», а в Европе — «Московия»; кстати, интересно, что в XVIII в. не однажды предлагалось назвать ее «Петровией» в честь Петра I).

Поэтому некорректно часто наблюдаемое перенесение ее и производных от нее на более древние времена, на Киевскую Русь (впрочем, эту ошибку делают не только отдельные современные литераторы и публицисты, встречается она, возможно, как «грецизм», и у давних историков, например, у Бантыш-Каменского — о Киеве: «Он долго был столицей Великого княжества Российского...» [Бантыш-Каменский 1810: 131]). Со второй половины XVII в., после воссоединения Украины с Россией, в официальном языке утверждается термин «Малороссия», который сначала обозначал старинную сердцевину Руси, русского государства, по аналогии с малой Грецией — сердцевинной Элладой, с «малым городом» — старым центром.

В течение XVII–XIX вв. название «Малороссия» из официальных документов переходит и в литературу, публицистику, быт социальных верхов. Но в народе жило слово «Украина», жило в песне и поэзии, оно приобретало патриотический акцент. Да и вне этого с ним приходилось считаться как с фактом истории и бытия народа. Поэтому и оно само становится предметом идеологической и политической борьбы. Великодержавники стремятся утвердить за ним одно значение: географического задворка, территориального пограничья. Среди тех, кто пытался скомпрометировать, подвергнуть сомнению название «Украина» как национально-политический термин, были и славянофилы. Они демонстративно употребляли его чисто в значении провинций «по границам земель славянских, вообще называемых крайнами или украиннами» [Хомяков 1900: 44]. Следует сказать, что не только в славянофильской публицистике, но и в научных работах историков «державной школы» практиковалось расширительное употребление слова «Украина» в значении «окраина», замещение термина «окраина» термином «украина», что приводило к произвольному, а то и тенденциозному смешиванию собственного имени с общим названием. Например, С. Соловьев в «Наблюдениях над исторической жизнью народов» говорил о Саксонии как «украине» Германской империи, Германии как «украине западного мира», России как «европейской украине» и об веренице других «украинских стран», «украинских явлений» («степное рыцарство» и т. д.); об «украинском населении» в разных частях Европы и в различные эпохи; о «старых знаменитых украинцах, Карловингов австразийских» и т. д. [Соловьёв 1882: 521–525]. Можно было бы воспринимать эту специфическую терминологию вне какого-либо полемично-политического привкуса, вне какой-либо связи с собственным именем «Украина», однако, к сожалению, в этом действительно была целиком конкретная политическая тенденция: подходя к истории Украины с великодержавных позиций, С. Соловьев рассматривал ее именно как лишенную собственного значения природную окраину Российской империи и именно в связи с этим глобализировал и «тиражировал» название «украина», сделав ее синонимом исторической и географической периферийности вообще. Во всяком случае, следует признать, что и «державники», и славянофилы не принимали слов «украинец» и «Украина» как самоназвания представителя народа и названия страны, поскольку отрицали и тот народ, и ту страну в собственном качестве.

Это не были невинные лингвистические упражнения, лексические отличия — это был принципиальный вопрос, особенно для Шевченко, поскольку и его усилиями слово «Украина» обновлялось и окончательно утверждалось как самоназвание народа и земли (в то время как разномастные украинофобы дружно высмеивали это самоназвание или извращали его значение). За славянофильской же терминологией стояла уклончивость и неискренность всей их позиции относительно Украины: великодушно похваливая «южное племя русского народа», они фактически отказывали ему в праве на собственное национально-политическое и культурное развитие (и даже на собственное имя!), что особенно проявилось в конце 50-х годов и стало одной из главных причин окончательного разрыва Шевченко со славянофилами.

Следовательно, дело, в конце концов, не в терминологии, а в самом понимании предмета. Украинская тема заняла значительное место в русской литературе и науке задолго до славынофилов. Но их нельзя назвать достойными продолжателями традиции. Наоборот, они сузили ее, а то и придали ей корыстный, политиканский характер, их предшественники бывали более объективными и справедливыми, стояли на более высоком уровне понимания Украины.

С большой благожелательностью писали об Украине и украинцах русский ученый В. Зуев («Подорожные записки Василия Зуева с Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.», Петербург, 1787); П. Шаликов («Путешествие в Малороссию», Москва, 1803–1804); В. Измайлов («Путешествие в полуденную Россию в письмах», Москва, 1800, 1802; этот автор, в частности, подчеркивал патриотизм украинцев, их любовь к своей родине и ее славе) и другие. Кроме того, П. Сумаков («Досуги крымского судьи», Петербург, 1803, 1805), А. Левшин («Отрывки из писем о Малороссии», 1816), И. Долгорукий («Дневник путешествия в Киев в 1817 г.»), И. Сбитнев («Поездки в Харьков» — в «Вестнике Европы», 1830), В. Пассек («Путевые заметки», 1834), Н. Всеволожский («Путешествие через Южную Россию», 1839) обращают внимание на культурно-обиходные особенности украинцев и вообще говорят о них как об отдельном народе со своим языком, хотя и близким к русскому, но отличным от него. В. Пассек, между прочим, «Слово о полку Игореве» зачисляет к произведениям «малороссийским».

Как один из образцов объективности и, хотелось бы сказать, бескорыстной симпатии к Украине можно назвать «Письма из Малороссии» Алексея Левшина. Внимательно присматриваясь к особенностям жизни и быта украинского народа, сравнивая свои впечатления с образом собственного народа, он хочет понять причины и общего, и отличного: «Русские и малороссыяне происходят от одних предков; как в тех, так и в других течет кровь древних славян; но нравы их несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы.

Разделение России на множество княжений, кочевая жизнь малороссийских Козаков, соседство их с поляками, смешение с различными народами и принятые от них обычаи и законоположения произвели очень отличительное различие между сими двумя отраслями одного народа, как в нравах, так и в обыкновениях [...] Пробежав бытоописания Малороссии, которая несколько веков составляла воинственное и независимое от России государство, которой первобытные жители смешались с черкесами, татарами, поляками и, может быть, со многими другими неизвестными для нас народами; которая долго не имела других законов, кроме законов человеку врожденных, других занятий, кроме войны, других постановлений, кроме свободы, равенства, простой и дружественной жизни Козаков, сделавшихся страшными для всех соседственных держав; пробежав, говорю, историю Малороссии, бывшей независимой, и, рассмотрев ее состояние под игом Польши и под владычеством России, мы удобно открываем причину, производящую различие и доставляющую жителям здешних стран некоторые преимущества, ценою крови предков купленные» [Левшин 1816: 58–59].

Пусть не все обобщения А. Левшина достаточно убедительные или точные для нынешнего читателя, но и он, нынешний читатель, оценит то стремление увидеть и понять особенности нашей земли и другого народа, а не выискивать у них то, что можно было бы провозгласить «своим», как это делал много кто и до Левшина, и после него.

В николаевское время, когда одним из наиболее важных догматов внутренней политики была провозглашена так называемая «народность», рождается, по существу, идеология, которая позже оформилась в государственно поддерживаемый национализм. О значении этого поворота к «национальной политике» в контексте всей исторической эволюции российской монархии прекрасно сказал один из наиболее блестящих адептов «официальной народности» профессор истории Н. Погодин: «Император Александр, вступив в Париж, положил последний камень того здания, которого первый основной камень положен Петром Великим на по-

лях полтавских. Период русской истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом европейским. С императора Николая, который в одном из своих первых указов, по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие профессеры, были именно русские, с императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу Отечества, предприятие русское, принимается с благоволением, начинается новый период русской истории, период национальный, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей истории Европы и человечества» [Погодин 1841: 25–26].

Для Украины этот «период» обернулся усилением национального гнета и русификации, полицейской подозрительностью относительно «украинофильства», новыми препятствиями на пути развития украинской литературы. Собственно, николаевская политика «национальности» была историческим звеном между политикой Екатерины II, которая ставила своей целью «искоренить» у украинцев, да и у других народов империи, «рознь» и «развратное мнение, по коему почитают себя народом, от здешнего отличным» (а главное — «легчайшим способом привести к тому, чтобы оне обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу») [Соловьев 1879: 30]), — и политикой трех последних российских монархов с их неусыпной борьбой против партикуляризма, местничества, сепаратизма и мазепинства, как именовалось всякое украинское движение.

Стало быть, Шевченко не зря пекся о том, будет ли принадлежать Украине ее история. Это было для него связано и с другим вопросом: будет ли принадлежать ей ее будущее?

Тот же Драгоманов (а под его влиянием частично и Франко) иронизировали по поводу известных слов Шевченко о «своей мудрости» («Якби ви вчилися так, як треба, то й мудрість би була своя»). Собственно, именно здесь он и усматривал вот ту «хомяковщину» у украинского поэта, его отход, хотя и эпизодический, от общечеловеческого идеала. Но сами собой слова Шевченко не дают оснований для такого толкования. Только воспринимая их не в собственном их значении, а в общем потоке славянофильских фраз против чужой науки, смешивая одно с другим, — можно было понять их как отрицание европейского образования и апологию доморощенности. Поэт же утверждал необходимость самостоятельного мышления, подготовленного настоящим обучением, — как альтернативу верхоглядству и обезьянничеству, пустопорожней моде.

Так же, как «своя мудрость» Шевченко, и его же «своя правда» («В своїй хаті своя правда, і сила, і воля») также встречала в свое время непонимание. Иногда ее толковали в славянофильском духе, иногда же воспринимали как... отрицание общечеловеческого общечеловеческого идеала и критерия, упрекая Шевченко в партикуляризме; или же, наоборот, слова эти пытались брать на вооружение ультра националисты. Но совсем не хуторянскую отгороженность от мировой цивилизации и общечеловеческих понятий имел в виду Шевченко! Наоборот, он говорил о равноправной принадлежности каждого народа к миру человечества. В народообразном афоризме он высказал ту же самую великую мысль, которую на другом континенте Симон Боливар сформулировал как политический принцип: «Законы должны быть порождены тем народом, который им подлежит... Вот каким кодексом нам следует руководиться, а не кодексом Вашингтона!». Напомним: «Кодекс Вашингтона» в то время имел неоспоримый авторитет и ореол демократизма и прогрессизма, однако же, в непринятии чужих законов — в антиколониалистском политическом мышлении Боливара — никто, во всяком случае, среди его земляков, не усматривал ни ограниченности, ни антипрогрессизма. А вот Шевченко упрекали, хотя он ставил под сомнение никоим образом не «кодекс Вашингтона», а туманные словесные манипуляции и произвольные экспансионистские претензии; по существу, высказывал идеи, к которым приходила и передовая в то время европейская политическая мысль и которую знаменитый итальянец Манчини (Манчини) сформулировал та-

ким образом: «Каждая нация — государство, вся нация — одно государство» [Червоний шлях... 1926: 53]. Этот принцип — юридическое выражение того, что Шевченко представил в поэтическом образе.

Можно вспомнить здесь и выступление Хосе Марти против тех, кто намеревался управлять народами Латинской Америки, «не считаясь с их национальными особенностями, своеобразным этническим составом и неукротимой силой; руководить при помощи законов, унаследованных от четырех столетий свободного предпринимательства в Соединенных Штатах или девятнадцати столетий монархии во Франции» [Иностранная литература... 1986: 203].

Нет сомнения: говоря о «своей воли», Шевченко имел в виду традиции казацкой республики.

Наконец, Шевченко очень четко и исчерпывающе сформулировал свое отношение к этому вопросу — о «своем» и «чужом» — в другом своем знаменитом поэтическом афоризме: «Не дуріте самі себе, // Учітесь, читайте, // І чужому научайтесь, // Й свого не цурайтесь». Шевченко же исходил из общечеловеческой меры и жил общечеловеческим идеалом во всем. Поэтому заботился, чтобы украинцы, и другие славяне стали вровень со всеми народами. Это последнее он и мыслил целью возрождения и освобождения славянских народов, их добровольного объединения, — а совсем не какую-то гегемонию славянства, их особую миссию в мире, тем более под руководством царизма. (Ф. Тютчев в послании «Славянам»: «Он жив — Верховный Промислитель, // И слово «Царь-Освободитель» // За русский выступит предел»). Славянская тема в его поэзии 40-х годов развивается в трех главных мотивах: переживания исторических мытарств славянских народов; досадная боль за их раздор; мечта о братском общежитии в мире свободном и справедливом. В чем есть созвучие со славянскими мотивами, так это в объяснении причин славянского раздора: посеяли его «ксендзы, иезуиты»... Но и здесь есть существенная разница: Шевченко осуждает экспансию Ватикана, коварство и жестокость его слуг, но его совсем не интересует — в отличие от славянофилов, для которых именно это было главным, — противопоставление католицизма и православия с той точки зрения, что первый не отвечает славянскому духу, а второе как раз отвечает и является естественным для славян, да и со всех точек зрения является более достойной религией. Но что характерно для Шевченко: вслед за «ксендзами, иезуитами» у него идет панство.

Если же говорить о славянском вопросе в широком плане, то послание «І мертвим, і живим...» засвидетельствовало коренное отличие его понимания самим Шевченко от славянофильского. Не лишена оснований мысль Мариэтты Шагинян: «Шевченко остро и твердо ставит здесь „славянский вопрос“ на классовую почву» [Шагинян 1961: 217].

Следовательно, и «славянская боль» у Шевченко и русских славянофилов неодинакова, неодинаковы и переживания разобщения славян и братоубийственных усобиц, мечты об объединении, представления о будущем строе. И идеал, и повод для его выражения — неодинаковы.

Если согласиться с мыслью словацкой исследовательницы Т. Ивантишиновой о том, что «политический характер интерпретации славянской идеи может выражаться в консервативной, либеральной или прогрессивной революционно-демократической форме» [Ivantsynova 1987: 31], — то именно в революционно-демократической форме она возвысилась у Шевченко².

В заключение этой темы приведем характеристику, которую дал И. Франко взглядам Шевченко на славян в пору активной поэтической разработки этих вопросов. Вслед за М. Драгомановым, называя те взгляды «славянофильством», он, однако, подчеркивает, что оно «принципиально отлично» от славянофильства в обычном понимании: «Оставляя обстоя-

² О широком спектре славянских идей: «от радикальных до реакционных (от Герцена, Бакунина, Шевченко до Каткова)» — говорит и чешский исследователь Радомир Влчек [Vlcek 2002: 36].

тельное выяснение славянофильства Шевченко для отдельной монографии, я отмечу здесь только то, что оно никогда не было ни расовым, ни конфессиональным. Шевченко не любил славян только за то, что они, славяне, не видел никакого мистического значения в их названии, не пускался в туманные размышления о светлом будущем славянской расы на том лишь основании, что «запад» гниет, а славяне здоровы, исконны, не верил ни в какие отдельные принципы будущей «славянской» культуры. Из прошлого славян он превозносил только такие моменты, где славяне (единицы) вносили свой вклад в сокровищницу общечеловеческой цивилизации. Такими героями в его глазах были Ян Гус и Шафарик. Воспевая кровавые битвы между единичными детьми «старых славян» (поляками и украинцами), Шевченко сожалел только потому, что они упивались кровью, а в их будущем согласии усматривал только «возобновление тихого рая» («Ляхам»), но ни в коем случае ни всемирное событие, ни «день воскресный». Так же и вера, или то православная, или римская, либо какая другая, не играла никакой роли в его славянофильских мечтах. В борьбе между ляхами и украинцами виной было не различие веры, а «ксёндзы-иезуиты»; Гус выступает не против римского католицизма, а против господских злоупотреблений (отпуск грехов и т. д.). Еще меньше было в славянофильстве Шевченко какого-нибудь державничества...» [Франко 1982b: 25–26].

3.

И генезис, и содержание «славянского чувства» и славянской идеи у Шевченко существенно отличается от славянофильских³.

К славянству он обращался с позиции своего поработанного народа, погубленной Украины; в славянстве искал соучастника по судьбе и работе по возрождению, укреплению в вере и надежде. Боль неволи украинской породил у Шевченко и скорбь за другие поработанные славянские народы, а мысль об освобождении, возрождении Украины — мысль об общей борьбе и братании всех славян. Отсюда и подобное, и отличное с глашатаями «славянской взаимности», с панславистами и славянофилами. Подобное — в связанности судьбы своего народа с судьбой других славян, отличное — в характере этой связанности и в самом идеале славянского общежития.

Поэзия Шевченко давно стала самой важной и нетленной составной духовной сущности украинского народа. Когда-то Генрих Гейне говорил о Библии как «переносной родине» евреев — с ней они, преследуемые, скитались по свету. Такой «переносной отчизной» для украинцев, куда бы их ни забросила судьба, был «Кобзарь» Шевченко. И даже у себя дома, на «нашій не своїй землі», он привносил и привносит чувство родины. Шевченко — это не только то, что изучают, но и то, чем живут. В чем черпают силы и надежды. В глубины будущего слал Шевченко свои непоколебимые заветы сынам родной земли. Он обращался к мертвым духом, которые еще должны были пробудиться, и к живым, и к еще не рожденным, и в Украине, и в мирах, — у кого есть еще такое обращение ко всему народу как к вечной категории — и такое понимание народа как совокупности поколений, и духу, и действия — вне ограничений во времени и пространстве?! И среди его заветов первый и последний:

³ Это признал и склонный связывать Шевченко со славянофилами Т. Флоринский. В своей работе он пишет, что наш поэт «относился скептически к славянофильству» (имеется в виду «Послание»). А по поводу восславления Шафарика за то, что «звів еси в одно море // Славянські ріки» и мысли Н. Дашкевича о связи этого образа с известным пушкинским: «славянские ручьи» и «русское море», — он возражает: «Слишком велика разница в основных мыслях этих двух произведений, сложившихся под влиянием резко несходных настроений» [Флоринский 1906: 345–346]. В то же время Т. Флоринский повторяет ошибку Н. Стороженко, который приписал Шевченко стихотворение «Славянам» анонимного автора.

...Свою Україну любіть,
Любіть її... Во время люте,
В останню тяжкую минуту,
За неї Господа моліть.

Авторизований переклад В.Н. Ткаченко

- Бантыш-Каменский. 1810. *Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию*. — М.
- Білецький О.І. 1965. *Збірник праць: У 5 т. Т. 2*. — К.
- Борщак І. 1933. *Шевченко у Франції*. — Львів.
- Грушевський О. 1914. *З настроїв та думок Кирило-Мефодіївського братства*. — *Україна*. — Кн. Перша.
- Грушевський М. 1925. *З історії релігійної думки на Україні*. — Львів.
- Джузеппе Мадзини... 1913. Джузеппе Мадзини о національном вопрось. — *Голосъ минувшего. Журнал исторіи и исторіи литературы*. — № 5.
- Иностранная литература... 1986. Иностранная литература. — № 7.
- Кирило-Мефодіївське товариство... 1990. *Кирило-Мефодіївське товариство: у 3-х т. Т. 1*. — К.
- Колокол... 1861. *Колокол*. — Число 61.
- Корсун О. 1841. *Українські повір'я*. — *Сніп, український новорічник... Рік первий*. — Харків.
- Костомаров М. 1947. *Книги битія українського народу*. — Авсбург.
- Левшин А. 1816. *Письма из Малороссии*. — Харьков.
- Мицкевич А. 1956. *Книги народа польского и польского пилигримства*. — *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей*. — М. — Т. II.
- Мольнар І. 1965. *Словаки і українці*. — Пряшів.
- Погодин П.М. 1841. *Петр Великий*. — *Москвитянин*. — Ч. 1. — № 1.
- Січинський В. 1938. *Чужинці про Україну. Вибір з описів подорожей по Україні та інших писань чужинців про Україну за десять століть*. — Львів.
- Соловьёв С.М. 1879. *История России с древнейших времен*. Кн. 6. — Изд. Товарищества «Общественная польза».
- Соловьёв С.М. 1882. *Сочинения Сергея Михайловича Соловьёва*. — СПб.
- Спогади про Тараса Шевченка... 1982. *Спогади про Тараса Шевченка*. — К.
- Тарас Шевченко... 1982. *Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії*. — К.
- Флоринский Т.Д. 1906. *Славянофильство Т.Г. Шевченка*. — *Сборник статей по литературь и исторіи въ честь заслуженного профессора Императорского Университета Св. Владимира Николая Павловича Дашкевича*. — К.
- Франко І. 1982а. *Збірник творів: У 50-ти т. Т. 29*. — К.
- Франко І. 1982б. *Збірник творів: У 50-ти т. Т. 31*. — К.
- Хомяков А.С. 1861. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. — М.
- Хомяков А.С. 1900. *Полное собрание сочинений*. Т. 3. — М.
- Червоний шлях... 1926. *Червоний шлях*. — № 2.
- Шагинян М. 1961. *Тарас Шевченко и славянский вопрос*. — *Дружба народов*. — № 5.
- Штайн Г. 1987. *Украинские мотивы*. — М.
- Ivantsynova T. 1987. *Cesi a Slovaci v ideologii ruskych slavianofilov*. — Bratislava.
- Vlcek R. 2002. *Rusky panslavismus — realita a fikce*. — Praha.